

Сергей Епифанович. Анализ сирийского сказания Георгия Ришайнского о св. Максиме Исповеднике

Сказание совсем другого тона - с яркой монофелитской тенденцией - сохранилось в сирийской «Истории о нечестивом Максиме из Палестины, (который изрек хулу) на Творца своего, и у которого был отрезан язык». «История» эта открыта проф. А.И. Бриллиантовым в cod. Add (= Richianus) 7192 Британского Музея. Русский рукописный перевод предоставлен был уважаемым профессором в наше пользование, за что мы ему приносим свою глубочайшую благодарность.

Документ этот, писанный в два столбца на л.72об.а - 78об.в. указанной сирийской рукописи, дошел до нас в дефектном виде. Конца «Истории» совсем нет, в тексте есть, несомненно, пропуски, как это видно из ссылок на предшествующее изложение (речь об Анастасии, ученике преп. Максима, на л. 77а-в), не находящих однако в нем себе подтверждения. Судить о заключительной части Истории возможно, впрочем, по передаче Михаила Сирийца¹, сокращенно повторяющего у себя всю эту «историю».

«История» по прямому заявлению автора принадлежит Георгию (л. 75об.а; 74а: Григорию) из Ришайны², которой выдает себя за ученика Софрония Иерусалимского (л.74а) и современника и даже очевидца событий.

Если рассматривать «Историю» самое по себе, то в ней нужно различать четыре части, базирующиеся на разного рода источниках, а потому и имеющих различное значение.

Первая часть – это гасфинская история преп. Максима, история его детства. Отец преп. Максима был самарянином из Сихара³, мать - персиянка. Она была рабой тивериадского иудея Садока. Однажды отец Максима пришел в Тивериаду продавать свои изделия - он был ткачом и продавцом дорогих одежд, - увидел здесь рабыню Садока и соблудил с нею, ибо она была красива на вид. Когда он в другой раз прибыл в Тивериаду, персиянка, ссылаясь на свою беременность, потребовала выкупить ее, чтобы спасти от поругания, угрожая в противном случае обличить его и навлечь на него преследования. Самарянин выкупил ее за 200 дариков⁴. Но сородичи и соплеменники восстали против того, чтобы он имел ее женой, и предлагали ему или предать ее сожжению пока она непраздна, чтобы тем устранить позор с них и всего народа⁵, или угрожали отлучить его от своего сообщества. Самарянин просил срока для размышления. Узнав же, что сородичи замышляют убить его, тайно вместе с женой бежал в селение Гасфин⁶ к одному пресвитеру по имени Мартирий и пробыл у него в доме 2

¹ Michel le Syrien II, 435-436.

² В Осроине на границе с Месопотамией.

³ Селение близ Сихема. Проф. Вл.Л.Рыбинский. Самаряне. Киев, 1913, с. 322.

⁴ Дарик - персидская золотая монета.

⁵ Брак у самарян допускался только с единоверцами (Проф. Вл.Л.Рыбинский. Самаряне. Киев, 1913, стр. 437, сравни, однако, стр. 508-509).

⁶ К востоку в верстах 20 от озера Тивериадского.

года. Мартирий крестил обоих, нарекиши самарянина Авию (Aban) - Феоной, а персиянку Шандах - Марией. Мартирий этот был племянником Геннадия⁷, который управлял в то время Тивериадой и всей окрестной страной; его властью он был избавлен от мщения со стороны самарян. Когда же родился «сей плод беззакония», Мартирий дал ему в крещении имя Мосх (μωσκς)⁸. Мартирий дал родителям его у себя помещение на церковном участке. Спустя 9 лет отец Мосха (преп. Максима) умер от водянки, оставив семью на попечение Мартирия. Через год умерла мать от падения с гранатового дерева⁹. Осталось трое детей ее - 2 мальчика и одна девочка. Но последняя, упавши на дно очага, умерла от ожогов, из мальчиков же, отданных Мартирием в Ветхую (Παλαιά) Лавру архимандриту Панталеону¹⁰, младший чрез 3 года умер от укушения свирепого верблюда, принадлежащего восточным людям, которые остановились там в день поклонения св. Кресту. Мосху Панталеон дал имя Максима по имени своего племянника (сына сестры), которого он очень любил, но который умер в детстве.

Все эти сведения были якобы записаны самим пресвитером Мартирием в особый меморандум (ὑπομνηστικόν). А затем были пересказаны автору «Истории» пресвитером Евлогием, «который точно знал деяния поименованных лиц, однако от учения их отвращал лице свое». «Да и все то, что я со тщанием написал - добавляет автор (л. 74а) - я, Григорий (вернее: Георгий, как ниже), ученик Софрония, епископа Иерусалимского, из Ришайны, - все эти воспоминания я написал для верующих сообразно с тем, что я сам видел и слышал и принял от заслуживающих доверия людей».

---

⁷ Геннадий был игемоном Палестины II, а может быть и военным начальником ее, дуком. Если этот Геннадий, возвышаясь по лестнице слежебных должностей, назначен был в конце концов экзархом Африки, то это был тот Геннадий, правление которого в Африке падало на 591-601 годы (Gregor. Magn. Epist. I, 59; X, 44, PL....) и пожалуй, восходило к 578 г. (см. Charles Diehl, L'Afrique Byzantine. Histoire de la domination Byzantine en Afrique (553-709). Paris, 1896, p. 599, n. 35-37). Но если так, то рождение Мосха пришлось бы относить приблизительно к 565 году.

⁸ Имя, известное из «Луга духовного» Иоанна Мосха, гл. 186.

⁹ Если Мосх вскоре по смерти матери отдан был в монастырь, то, очевидно, он поступил в него 11-12 лет.

¹⁰ Считая от возможного приблизительного года рождения Мосха (см. выше) - 565 или от действительного года рождения преп. Максима - 580, вручение его Панталеону нужно относить к 576 или 591 году (после чего он прожил под его руководством по крайней мере три года - т.е. до 579 или 594). Судя по дальнейшему рассказу (л. 74а), смерть этого Панталеона следует относить ко времени до 634 года, до выступления преп. Максима к дифелитской проповедью. Архимандрит такого имени в Лавре св. Саввы нам вообще неизвестен. Около 568-570 гг. архимандритом Лавры был Конон (Луг духовный, гл. 42); ср. у свящ. И.М.Смирнов, Об авторе Λεζζώβ'а, Богословский Вестник, ..., т. ...., стр. 154); около 595 г (см. Смирнов, 162) - Феодор (Луг духовный, гл. 188, в пещере - Евстафий), в период персидской оккупации (после 614 г.) - Фома (Письмо Антиоха Пандекта к Евстафию, PG 89, 1425D), на Латеранском соборе - Иоанн (Mansi X, 909C). Около 649 года известен мирянин Панталеон, как поборник православия (см. письма папы Мартина, Mansi X, 820C, 825A). Судя по нашим сведениям о настоятелях Лавры, Панталеон мог быть архимандритом только в период после 570 г. и до 595 г.

Несмотря, однако, на все эти авторские заверения, несмотря также на все столь показательные подробности и детально-точные сообщения, трудно все же признать его сведения за достоверные. Не говоря уже о том, что автор явно не расположен к преп. Максиму и поработен злостной тенденцией, прежде всего нужно отметить то, что вся вообще гасфинская история почерпнута им даже не из непосредственного источника, не из записки Мартирия, а лишь из уст Евлогия, т.е. собственно из такого неопределенного источника, как молва. Авторитетность ее от имени передатчика несколько не поднимается, а, напротив, падает. Он - не менее тенденциозен, чем и Георгий. А главное крайне подозрительным представляется самая инсценировка рассказа: трудно понять, с какой стадии Мартирий начинает вести запись о жизни Мосха-дитяти, мальчика, который еще ничем себя не заявил, а был просто отдан на воспитание в монастырь; для чего-то отмечаются здесь и исключительные подробности; Мартирий при том обнаруживает осведомленность в таких секретных вещах, о которых вряд ли стали распространяться перед ним и родители Мосха.

Все это наводит тень подозрения на гасфинскую историю. И это тем более, что тема, развиваемая в ней, является одной из ходячих тем монастырских рассказов (и особенно в Лавре св. Саввы). По сравнению с повествованием «Луга духовного» (гл. 184) она лишь представляется более развитой, обогащенной разного рода прикрасами и измышлениями досужей фантазии.

Но даже, если предположить, что в основе гасфинской истории есть своя правда, то совершенно непонятным является, почему она должна иметь касательство именно к преп. Максиму. Самый раз о двойном имени преп. отца наводит на естественное подозрение, не смешаны ли в рассказе Георгия два лица, два сказания. И в самом деле, кого знали наши главные свидетели Евлогий и Георгий? Евлогий знал Панталеона и Мосха, от учения которых (оригенистического) «отвращал лице свое». О Георгии, насколько можно судить по последующему его рассказу, нельзя сказать, чтобы он знал Панталеона. Он говорит, что Панталеон оригенист наполнил Максима ядом своего учения, и что Максим показал свое заблуждение по его смерти, но ничего не показывает, чтобы он лично знал Панталеона, как знал, по его словам, Максима; напротив, не даром он подчеркивает, что Евлогий, его осведомитель, хорошо знал поименованных в гасфинской истории лиц. Да Георгий и не мог знать Панталеона. Если он, действительно, был очевидцем того, как умер учитель Максима Пантелеон, и как после того Максим «показал свое заблуждение» (л. 74b), то вряд ли Пантелеон был в таком случае и архимандритом Ветхой Лавры, ибо это значило бы, что он эту должность занимал до 624-634 гг. с 576/591 г. (см. выше), тогда как за это время с конца 6 века известны настоятели Лавры с другими именами, не говоря уже о том, что 50-летнее настоятельство маловероятно само по себе. Мы считаем, поэтому, невозможным заключать, что Георгий знал Панталеона. Все его слова о Панталеоне - попытки связать свои личные наблюдения с рассказом Евлогия. Но предприятие это явно искусственное и неестественное. Упоминание о перемене имени Мосха, о Панталеоне как

учителе преп. Максима - только жалкое приспособление рассказа об одном лице к повествованию о другом. Евлогий со своей гасфинской историей знает только Мосха и Панталеона, Георгий - в своих наблюдениях - только преп. Максима. Между рассказом Евлогия и наблюдениями Георгия целая хронологическая пропасть. От самой поздней даты гасфинской истории (третий год по поступлении «Максима» в монастырь в возрасте 11-12 лет), т.е. от 594 года мы должны сразу же совершить скачок к 634 году, началу (якобы) дифелитской проповеди преп. Максима, т.е. скачок в 40 лет. Брешь эта до 634 года не заполнена ни единым личным воспоминанием Георгия, и между обоими рассказами нет иной связи, кроме создавшегося у Евлогия или Георгия отождествления преп. Максима с плодом незаконного брака, кроме попытки применения к преп. отцу рассказа, специально созданного для диффамации какого-либо оригениста. (Упоминание ряда сведений - просто способ замаскировать гнусную выдумку.) Отсутствие такой исторической связи видно и из несоответствия ее известным хронологическим данным. Судя по гасфинской истории, Мосх, если только он, действительно был преп. Максимом и, стало быть, родился в 580 году, пробыл под руководством Панталеона по крайней мере три года¹¹, в 591-594 годах, в возрасте 11-14 лет. Для конца VI века мы уже знаем настоятеля Лавры Феодора. Спрашивается, неужели в течение 3 или более лет (но не выше 6 лет) преп. Максим в возрасте 11-17 лет в такой степени стал учеником Панталеона, что так его называли и спустя 40 лет, и к Панталеону возводили его заблуждение? Не думаем, чтобы это было правдоподобно.

Если вообще архимандрит Панталеон существовал, то ученик его Мосх всегда так и был Мосхом и родился он раньше, чем преп. Максим, раньше 580 года, и вся гасфинская история (565-579 гг.) к преп. отцу отношения не имеет. Это тем более несомненно, что из творений преп. Максима мы знаем о его придворных связях¹², о знакомстве его с придворным церемониалом¹³, с одной стороны, и о незнакомстве его до известной поры с Палестиной¹⁴, с другой.

Перейдем к личным наблюдениям Георгия.

Упомянув, что «Панталеон снабдил и наполнил Максима, ученика своего, всю горечью своего нечестивого учения, как бы найдя сосуд, могущий вместить всю скверную нечистоту его хуления», Георгий продолжает: «Я много раз встречался с этим исполненным преступлений (человеком) и с его словопрениями и софистическим витийством. Ибо он был исполнен похвальбы гибельной, и язык его был скор в лживых изворотах, почему Софроний и восхвалял Максима как приобретшего якобы подлинно высшее знание. После того, как умер Панталеон, нечестивый учитель его и оригенист, показал свое заблуждение этот окаянный». Побуждением к

---

¹¹ После упоминания о смерти брата Мосха на третьем году пребывания в Лавре сведения в гасфинской истории прекращаются.

¹² Ер. 12, 461В.

¹³ Amb. 1284А-В.

¹⁴ Quaestiones et dubia 64, 837А.

такому выступлению служила, с одной стороны, «надежда на начальников и вождей, которые приняли скверное учение его учителя», а с другой - сочувствие Софрония (634-638)¹⁵, «который его заблуждением был увлечен от начала». Максим постоянно напоминал Софронию о «презрении», которое оказал Софронию в письме Аркадий, архиепископ Кипрский (ум. 641)¹⁶, и Софроний, гневаясь на Аркадия, охотно принимал его слова. А «Максим говорил Софронию: «пошли и собери ко мне отделившихся из-за этого, и я соединю их чрез апологию». Софроний отправил послание Аркадию, с просьбой оповестить Кира Александрийского (631-642), Гонория Римского (625-638) и Сергия Константинопольского (610-638), с тем, чтобы, где только они пожелают, составилась собор для расследования спорного вопроса, «ибо, - говорил он, - неугодно Господу, чтобы мы тяготы паствы и Церкви оставляли, и источник смуты стоял посреди; как бы (нам) из-за этого не дойти до гибели, за (небрежение о) пастве, которую вверил нам Пастыреначальник» (л. 74об.б – 75а).

«Ибо спор и раздоры были между патриархами из-за этого скверного учения. И не переставал Максим мутить и волновать, пока не развратил совершенно то место, где он находился, и все окрестные места своим скверным учением. А он говорил, что не следует говорить «распныйся за ны» в трисвятом. И он составил 4 книги и исповедал в них две воли и два действия и два ума и все признал двойственным, что относится ко Христу, за исключением одной лишь ипостаси» (л. 75а).

«Святой же Аркадий, когда получил послание от нотария¹⁷ Софрония и от диакона Иоанна, который служил в церкви города Синая», - то «послал к патриархам то, что написано выше». Кир Александрийский без замедления прибыл на Кипр с 5 епископами своей области, Гонорий прислал диакона Гаия, Сергей - архидиакона Петра¹⁸. Когда они прибыли, «Аркадий послал к Софронию и сказал ему: «Приходи теперь к нам, и произведем исследование о тех предметах, из-за которых находится в смятении Церковь». А Максим, когда узнал, какие епископы находятся там, на Кипре, убоился идти, сказав: «Я не могу сегодня сделать это; но пусть пойдет с тобою Анастасий, мой

---

¹⁵ Св. Софроний стал патриархом с 634 года. Около 12 июня 634 года преп. Максим писал ему еще как Софронию Евкрате монаху (Прилож., стр. 84). Но рождественская проповедь его, произнесенная в воскресенье (следовательно, в 634 году), принадлежит ему уже, как епископу.

¹⁶ Аркадий упоминается в качестве епископа уже в Луге духовном (в житии Олимпия φιλέντολος), изданном около 619 г. Около 624 года на имя его издан указ императора Ираклия против Павла Одноглазого (см. письмо Кира Фасид. к Сергию, XIII заседание VI вселенского собора, Mansi XI, 561A; ДВС VI, стр. 194). Скончался Аркадий, по свидетельству Иоанна Никиуского (Chronique de Jean, eveque de Nikiou, ed. Zotenberg, Notices et Extraits XXI, 1, Paris, 1883; chap. CCXX, p. 582) в 641 году, вскоре по воцарении Константа. По свидетельству этого же Иоанна (Ib.) Кир Александрийский был в дружбе с Аркадием, и кончина последнего была одной из причин смерти и самого Кира (21 марта 642 года, Ib., p. 577).

¹⁷ Может быть, упоминаемого ниже Илии.

¹⁸ Не того ли, что впоследствии был пресвитером и периодевтом, а с 655 года патриархом?

ученик; я же дам ему относительно этого книгу». «И мы отправились и прибыли на о. Кипр, - я, Георгий, и два моих ученика, с 8 другими епископами из области Софрония. И когда мы прибыли, нас приняли с великой радостью и подобающей честью. И утром (следующего) дня мы устроили заседание, чтобы произвести исследование» вопроса. Говорили много, при чем «одни из епископов говорили: «следует принять учение Максима», другие же говорили: «нет, ибо это - нечестие». Наконец, «явилась у них мысль изложить это учение (Максима) в письме и послать победителю Ираклию (610-641). И составив его, послали чрез Георгия, архидиакона Кира Александрийского, и чрез Илию, нотарию Софрония. «Боялся же Софроний Иерусалимский волнения, которое из-за него было там (в Константинополе) недавно. Собравшихся же было 46 человек»¹⁹. Когда написано было послание с изложением учения Максима, Аркадий, «вспоминая о том, что случилось с посланием Софрония²⁰, которое было послано ему прежде, сказал: «Всякий, принимающий это учение в смысле веры от сердца, да будет проклят». Софроний же сказал ему: «Тогда почему вы хотите, чтобы оно пошло к царю?» Аркадий же сказал ему: «Ради неверия твоего и ради неправильности учения твоего и этих твоих товарищей, ибо против истины стоите вы». Кир, вмешавшись, повелел прекратить слова раздора. «Мы собрались, - сказал он, - не для того, чтобы производить распространению, но чтобы исследовать и раскрыть истину и изобличить и осудить заблуждение». Итак, отошел каждый в город свой и страну свою, ожидая результата того, что было послано».

Когда же прибыли в столицу вышеуказанные лица к царю Ираклию²¹, прочитали послание, содержащее учение Софрония и нечестивого Максима, и нашли, что «оно чуждо всему учению христианскому. Немедленно царь составил писание, называемое эдиктом, и послал его к четырем кафедрам. И в нем он это гнусное учение отверг и повелел, чтобы нечестие было прекращено и извержен из своего сана всякий, кто исповедует такое учение»²².

---

¹⁹ Если считать представителей патриархатов с их епископами и всех кипрских епископов (коих 15; ср. Wiltsch, 233-234), то получится только 32 епископа. Из свиты и нотариата их названо 7 человек. Остальные 7 тоже, вероятно, были из числа сопровождавших епископов монахов и клириков.

²⁰ Известная синодика Софрония 634-635 г.

²¹ Ираклий возвратился в столицу из арабского похода (634-636) собственно только летом 638 года (4 июля - коронация Ираклеоны: De serimon. II, 27, p. 627), но в Иерии, возвратившись с Востока, он проживал, по-видимому, с конца 636 г. (ср. аль-Вакидия у Белазурия, р.п. Медникова, стр. 74; проф. Ю.А.Кулаковский, История Византии, т. III, 164).

²² Имеется в виду экфесис (III заседание Латеранского собора, Mansi X, 992B-997A), изданный осенью 638 г. Впрочем, надо заметить, что в экфесисе нет угроз извержением (как в типосе: Mansi X, 1032D), равно как и не излагается дифелитское учение преп. Максима.

«Когда же повеление это пришло от царя и было принято четырьмя кафедрами²³ и всеми епископами, и они подписались под ним и анафематствовали всякого, кто прибавит или убавит что-либо от него»²⁴ - тогда впали в страх все державшиеся учения преп. Максима, «и был мир до смерти победоносного царя Ираклия, и (нечестие) было прекращено и подавлено».

«Максим же заключил себя в одну небольшую келью, по причине страха пред царем и анафематствовавшими его учение патриархами, при чем служил ему Анастасий, последователь его учения²⁵, и Сергей, ученик Максима²⁶. И он пробыл в этой келье до того времени, когда появились арабы (634 г.) и овладели Сирией (636/637 г.) и многими местами. И так как ересь идет заодно с язычеством и от посылаемого наказания получает силу для своего существования, то этот жалкий человек, увидев, что земля стала арабской, и что отселе нет никого, кто бы мешал и противодействовал его учению, опять показал целиком свое заблуждение открыто начал сеять свое учение у отдельных лиц в области Сирии».

«И так как умер победоносный царь Ираклий, а также сын его Константин, и Ираклеон с матерью Мартиною, и получил царство ромеев Костос, сын Константина, который был еще малолетним мальчиком, и (так как), далее, Африка в это время (646-647 годы) была в мятеже против царя, то Максим стал дерзновенным и тотчас взял Анастасия²⁷ и других монахов, и они отправились в Африку; Анастасий же был известен в этой стране, так как там он родился, как мы сказали раньше».

И далее описан африканский период деятельности преп. Максима по показаниям африканского затворника Луки, часть которых надо полагать вплетена и в предшествующий рассказ Георгия, на что уже указывает скачок от эпохи воцарения Константа (641 г.) к восстанию экзарха Григория (646/647), а также и другие анахронизмы рассказа Георгия. Самый рассказ распадается на три части или точнее вращается около трех фактов: кипрского собора, эдикта Ираклия и затворничества преп. Максима. Последовательность этих трех частей раза плохо оправдывается исторически и в связи с этим возбуждает немало недоумений. Судя по данным раза которой собор имел место после возведения Сергия на патриарший престол, после издания его синодики, по поводу которой у него вышел какой-то инцидент с Аркадием и возникли трения в Константинополе; он вообще

---

²³ См. в заглавии экфесиса, Mansi X, 992В.

²⁴ См. заключение экфесиса, Mansi X, 996Е.

²⁵ Тут, вероятно, пропущено замечание, что Анастасий был родом из Африки (см. далее, л. 77об, а-б).

²⁶ Не Сергей ли Евкрат, приходивший к преп. Максиму в Вессу? (Relatio XI, 124С; р.п. Творения преп. Максима Исповедника, М., 1916, т. I, стр. 73).

²⁷ Разумеется Анастасий монах, а не пресвитер (впоследствии апокрисиарий); иначе он был бы непременно назван по своей иерархической степени. Анастасий монах был учеником преп. Максима с 618 г. (Relatio XIII, 128С; р.п. Творения преп. Максима Исповедника, М., 1916, т. I, стр. 80).

созван был для улаживания споров между патриархами. Он, стало быть, имел место не раньше 635 года. Судя же потому, что по представлению Гонория, издание эдикта последовало в ответ на послание собора, можно думать, он был в 638 году, когда осенью был издан экфесис. Что же касается до затворничества преп. Максима, то оно у Георгия, вопреки всяким хронологическим данным, помещается после издания экфесиса (638 г.) и до появления арабов в Сирии (634-636 гг.). Ясное дело, что воспоминания Георгия очень нетверды и не свободны от путаницы. Связь событий он, очевидно, устанавливает впоследствии с трудом и скорее по логическим, чем хронологическим рамкам. Его идея - учение преп. Максима развивалось по мере ослабления византийской правительственной власти, само способствуя возрастанию разрухи. Он настолько увлекся этой идеей, что позволил себе забыть, что арабы завоевали Палестину еще до издания экфесиса, и что затворничество преп. отца должно полагать раньше этого времени. В своем палестинском уединении Георгий вряд ли мог что-либо знать о порядке издания экфесиса, содержание которого он при том представляет смутно. Возможно, что и издание этого эдикта он тоже искусственно поставил в связь с посланием константинопольского собора. Во всяком случае обстоятельства издания экфесиса хорошо известны: он был заготовлен Сергием еще в 634 году и издан спустя 5 лет по его настояниям²⁸. А если связь между кипрским собором и изданием экфесиса признать вымышленной, то и дату собора можно повысить до 635 г. У Георгия, мы, таким образом, имеем собственно три разрозненных рассказа. Из них собственно только в первом - в повествовании о кипрском соборе - он выступает в качестве очевидца. Спрашивается, насколько достоверны эти рассказы, если их даже рассматривать в отдельности?

Рассказ о соборе отличается обилием деталей, так и располагающих в его пользу. Но в нем много странного и подозрительного. Сбивчивы, прежде всего, сообщения Георгия о деятельности преп. Максима до собора и его учении, споры о котором представляются у Георгия причиной созвания собора (л.75а), хотя в то же время и самый собор рассматривается, как повод к обнаружению нечестия (л.74об.а). Что преп. Максим мог против севириан защищать дифелитство и раньше 638 года, это оспаривать мы не имеем данных. Но что он еще до 634 года написал 4 книги в защиту дифелитства, это, насколько мы представляем хронологию творений преп. Максима (см. ниже), представляется нам недопустимым. Раньше 639 года мы не знаем ни одного сочинения преп. Максима по монофелитскому вопросу. Очевидно, Георгий берет догматико-полемические творения преп. отца вне хронологических рамок. Далее, спора о волях до 638 года не было: все разногласия вращались лишь около вопроса об энергиях. Георгий смотрит на учение преп. Максима сквозь призму позднейшей стадии монофелитских споров. Наконец, патриархи разногласили не по поводу учения преп. Максима, а по вопросу об энергиях, откровенно поставленному Кириллом

---

²⁸ Relatio XI, 125A-B; р.п. Творения преп. Максима Исповедника, М., 1916, т.I, стр. 75.

Александрийским. Георгий, видимо, намерено затушевывает обстоятельства возникновения спора. Странно при этом, что упоминание о синодике св. Софрония он вводит лишь побочно в свое повествование и почти игнорирует в своей «Истории» этот важный документ. Вообще подозрительно то, что сведения его раньше времени кипрского собора не простираются, как будто только с момента подготовки собора он появляется на сцене истории. А еще подозрительнее то, что Георгий как бы совершенно забыл, что собор имел место во время военных действий арабов на окраинах Палестины, и что вряд ли в это время св. Софроний мог спокойно помышлять о соборе. Но как бы то ни было, правдоподобно все же, что св. Софроний мог по поводу сдержанного ответа Аркадия на его синоку добиваться соборного рассмотрения дела. Вряд ли только на этот собор должен был явиться преп. Максим с апологией, ибо, как мы уже отмечали, спор с именем преп. отца еще не имел связи. Все это - прикрасы, изобретенные в перспективе отдаленной исторической ретроспекции.

Как смотреть на деятельность Аркадия кипрского? Георгий его представляет монофелитом. Иоанн Никиусский, если только в данном случае не выдает за факт своих заключений по комбинации источников, считает его другом Кира. Однако сам преп. Максим²⁹ ставит его в рядах поборников православия, тех, что до последнего издыхания не переставили взывать к константинопольским патриархам с увещеваниями отказаться от экфесиса и ереси. Правда, после Аркадия к числу таковых преп. отец относит и Гонория, на счет православия коего он имел довольно странное предубеждение, однако судя по сочинениям к Марину кипрскому, можно полагать, что на православие Аркадия он весьма твердо полагался и ожидал от него поддержки³⁰. Аркадий, таким образом, никогда не смотрел на преп. Максима как на еретика, а скорее держался обратного взгляда. Но он не порывал еще сношений с монофелитствующими патриархами (ибо и ересь их еще не обнаружилась в надлежащей степени), и не придерживался боевой политики. Указ Ираклия от 624 года о запрещении проповедовать о двух энергиях он, по-видимому, принял пассивно. Под его управлением к церковь никаких резких выступлений против монофелитов не предпринимала. Потому преемник его Сергей в послании от 29 мая 643 года к папе Феодору от лица собора кипрского и говорил о его сдержанности и милосердной терпеливости³¹. Аркадий мог, таким образом, занимать примиренческую позицию, мог даже предпочитать политику замалчивания спорного вопроса (как и Гонорий), мог предлагать св. Софронию во избежание раздоров трактовать учение об энергиях как предмет исследования, а не догматически решенное обязательное положение, но вряд ли мог «высказывать презрение» св. Софронию в письме или обличать «неверие» св. Софрония на соборе и при том в более резкой форме, чем этого хотел бы Кир. Очевидно, подобно

---

²⁹ Diff ex ep. ad Petrum III., 143B.

³⁰ Tomus dogmaticus ad Marinum presb. , 245C.

³¹ II заседание Латеранского собора, Mansi X, 916. Аркадий здесь называется....

представление об Аркадии - плод известного предубеждения Георгия и широкого размаха его фантазии. Аркадий в действительности склонялся к Софрониевой точке зрения. Иначе трудно было понять, почему св. Софроний обращался к нему с письмом и просил посредничества и почему Аркадий, не сочувствуя учению св. Софрония, мог все же стоять за составление в духе его соборного послания к императору Ираклию. Это было бы странным противоречием, одним из тех, что могут вместиться только в голове у Георгия.

Может показаться странным как это Аркадий мог выступать в качестве примирителя и почти третейского судьи патриархов, тогда как в этой роли обыкновенно выступал папа римский, который в это время как раз именно и старался привести к соглашению св. Софрония и Кира³². Но указанное освещение факта так же неверно, как и то утверждение, что патриархи разногласили именно из-за учения преп. Максима. Дело шло о столкновении между Киrom и св. Софронием. Другие патриархи привлекаются собственно в качестве третейских судей. Поэтому и послания свои Аркадий прежде всего отправил к Киру, как заинтересованной стороне, потом к Гонорию и Сергию. И первый явился лично, а последние прислали представителей. Потому и послания к императору отправлены были с представителями Аркадия и двух заинтересованных сторон. Аркадий при этом не по собственному почину выступил с предложением такого примиренческого собора, а по предложению св. Софрония. В этом смысле его выступление в данном деле вполне возможно.

Кипрский собор в воображении Георгия рисуется монофелитским. Преп. Максим побоялся идти на него, узнав о его составе. Учение преп. Максима здесь объявили нечестием. Доминирующее положение занимал Кир. Аркадий готов был даже анафематствовать веру св. Софрония. Но с другой стороны Георгий не может скрыть, что многие епископы были за преп. Максима, и утверждает, что послание от собора было составлено в духе учения преп. Максима, и при том не в таких выражениях, чтобы ему выносилось осуждение. Последнее обстоятельство показывает, что монофелитский оттенок собор принял только в изуверском сознании Георгия, что большинство собора - Аркадий и св. Софроний со своими епископами - было на стороне православия, что противниками его могли быть только Кир с его епископами, да сам Георгий. Но этот самый Георгий, будучи отчаянным монофелитом, в то же время выставляет себя учеником св. Софрония. Очевидно, сознание его обладает такой степенью монофелитской преломляемости, что может вмещать в себе самые противоречивые факты и построения. Освещение собора дано им одностороннее, и неправильное, можно сказать, извращенное.

Послал ли преп. Максим на собор книгу, сказать нельзя. Ее во всяком случае в дошедшем рукописном предании нет. Писал ли собор послание Ираклию,

---

³² Письмо Гонория к Сергию (XIII заседание 6 вселенского собора), Mansi XI, 581BC; VI, 204.

отрицать нет оснований. Ираклию посылали свои доклады по вопросам религиозным и Кир, и яковит Афанасий Антиохийский.

Итак, в рассказе Георгия о соборе многое можно считать маловероятным, наносным, привнесенным монофелитской тенденцией автора. Собор был не из-за преп. Максима, а из-за св. Софрония; преп. Максим только оказывал поддержку св. Софронию; Аркадий не был монофелитом, и собор его не носил специфически монофелитского характера: он не пошел далее исследования учения св. Софрония как научной доктрины. Вот то, что нужно признать, если допустить, что под скорлупой рассказа Георгия скрывается все же какая-то историческая действительность.

Но был ли самый собор? К сожалению, все другие источники хранят о нем полное молчание. Не упоминается о нем ни в известном послании Сергия Кипрского, ни в *Libellus synodicus*. Само по себе молчание не может быть решительным аргументом. Сергий говорит собственно только о мерах, принятых против Пирра и по отношению к Павлу. *Libellus synodicus* не упоминает и о соборе Епифания Кипрского, бывшем незадолго до вселенского собора³³. В общем, если допустить, что Георгий, выдающий себя за очевидца этого собора, хотя и изувер, но не шантажист с прожженной совестью, то существование какого-то к собору около 635 года допустить все же придется, как бы ни странным вообще представлялось молчание о таком соборе, на котором были представители всех патриархатов, кроме Антиохийского. Может быть, относительная нетвердость, некатегоричность его решений, была тому причиной.

Рассказ об издании экфесиса не свободен от неточностей, но в общем отвечает действительности. Указание на роль в этом деле кипрского собора представляет собою просто искусственный мост для перехода от повествования о соборе к новому рассказу.

Рассказ о затворничестве преп. Максима возбуждает новые и серьезные недоумения. С точки зрения Георгия выходит, что преп. Максим по издании экфесиса смирился, ушел в затвор, и в Церкви был мир до смерти Ираклия и появления арабов, каковые события, видимо, хронологически сближаются. С появлением арабов снова началась пропаганда преп. Максима, которая быстро затем перекинулась в Африку. В общем преп. Максим до смерти Ираклия или даже до восстания в Африке (646 г.) прожил в Палестине. Но это совершенно неверно. Уже в 639 году преп. Максим сносился в Рим и пишет по поводу издания экфесиса послание к карфагенскому игумену Фалассию³⁴, к которому еще в 637/639 г. написал свои *Quaestiones ad Thalassium*, и уже в 640 г. прямо заявляет, что живет в Карфагене³⁵. Несомненно, преп. отец бежал туда от нашествия арабов, которых он так боялся³⁶, т.е. по крайней мере ранней осенью 636 года, когда в решительном

³³ XIV заседание Шестого вселенского собора, Mansi XI, 597A; ДВС VI, Mansi X, LII, ДВС VI, 202.

³⁴ PL 129, 583D-586B; Mansi X, 677A-678C.

³⁵ Exmpl. ep. ad Marin. presb., PG 91, 137B.

³⁶ Ep. 8, 445A-B.

бою при Ярмуке (20 августа) проиграна была судьба Палестины³⁷. Отсюда заключаем, что хотя еще можно утверждать, что в конце 634 года и в эпоху кипрского собора 635 года преп. Максим был вместе с св. Софронием в Палестине, но говорить о пребывании его там после экфесиса (638 г.) нет никакой возможности. Оно имело место до кипрского собора и, по-видимому, выходило из кругозора непосредственного созерцания Георгия, которое, как мы видели, все вошло в кипрский собор, так что знать о нем Георгий мог из вторых рук, может быть, по рассказам в Сувивском сирийском монастыре, соседнем с монастырем вессов³⁸. Так как 631-634 (начало) годы преп. Максим провел в Африке, то, очевидно, затворничество его можно относить только ко времени не позже 630/631 г. Мотив этого затворничества указываемый Георгием, конечно, вымышлен для связи с предшествующим рассказом. Прекращено оно было бегством от набега арабов в 630 году, а не тем, что переход Палестины под власть арабов открыл преп. Максиму свободу для пропаганды своего учения. Последнее основание явно выдуманно, как полемический выпад и средство политической диффамации деятельности преп. отца. Это в особенности обнаруживается из последующего повествования Георгия, где, правда, под влиянием другого (византийского) источника, он мотивом переселений преп. Максима выставляет страх пред арабами, которые, по представлению того же источника, шли как бы следом за разрушительным и вредоносным действием распротря учения преп. Максима.

Сообщение о бунте в Африке принадлежит, конечно, уже к рассказу Луки, затворника африканского, к которому мы теперь и переходим. Это - третий источник Георгия и третья часть его «Истории». Здесь говорится, что из Палестины преп. Максим с Анастасием и другими монахами «пошли и пришли в один монастырь, который был во главе Африки и назывался по-ромейски Pnzertos (Sacerdos?)³⁹. В нем жили некие ученики школы из Низибина⁴⁰. Архимандритом монастыря был Исая и сын его по имени Иисус (Ишо); монахов было 87, и (все) они были несториане. И когда они нашли, что преп. Максим и Анастасий в своем учении согласны с учителем их Несторием, они приняли их и согласились с их учением. И они вовлекли в заблуждение всю Африку, и никто не вступал с ними в состязание в Африке, кроме одного боголюбивого затворника, по имени Лука, чрез посредство

---

³⁷ *Historia sybiectiois ab Arabi bus effectae*, Corp. Scr. Chr. Or., Scr. Syri, Chron. minora IV, 2, p. 60.

³⁸ «Луг духовный», гл. 157, PG 87, III, 3025B; (Σουβίβα τῶν Σύρων и Σουβίβα τῶν Βέσσων).

³⁹ Мы предполагаем, что P появилось из испорченного S (самкат), а n - из связи S с алафом. Монастырь τῶν Σακερδῶτος, правда женский (близ Карфагена), упоминается у преп. Максима, Ер. 12, 460B. Но возможно, что был с таким именем и мужской монастырь близ Карфагена. Ср. о монастырях африканских у Charles Diehl, *L'Afrique Byzantine. Histoire de la domination Byzantine en Afrique (553-709)*. Paris, 1896, p. 427-429.

⁴⁰ В Нисивин перешли несториане по закрытии в 489 году Эдесской школы или так называемой «школы персов» (Chron. Edess., 73, Scr. Syri, Chron. minor. IV, 1, p. 8; Tixeront III, 55.

которого они были силою Божьей побеждены. И он немедленно послал относительно них (сообщение) в Константинополь. К этому затворнику написал св. Макарий, патриарх антиохийский (667-681 гг.)⁴¹, три книги против учения преп. Максима⁴². Но все же Максим и Анастасий успели посеять свои плевелы «и ввели в заблуждение в Африке всех, кого только

---

⁴¹ Хронология антиохийских патриархов данного времени очень туманна, и работами ученых в этой области: Солье (р.107сл.) и Е.Порфирия Успенского (Восток Христианский. Сирия. 1: Список антиохийских патриархов, Киев, 1874; работа по списку Михаида Брека, 1767, стр.3) удовлетворится вполне нельзя. Ученые принуждены пользоваться одними списками и при том очень поврежденными, и при своих исправлениях часто допускают еще более крупные ошибки. Опору и именно весьма ненадежную в своих синхронизмах для них составляли показания патриарха Евтихия. (По нему, например, 1 год Ираклия, т.е. 610/11 = 622 (1086А), 1 год Моавии, т.е. 661 = 10 год (вместо 20-го) Конта (1113В); во 2-й год Моавии (Ib.) посвящен Георгий Константинопольский, во второй год которого был Шестой вселенский собор 680-681 гг. (!) и современником которому был папа Мартин: 648-653 гг.!). По нему Македоний антиохийский был посвящен в Константинополе в 5 год Омара (1096А), т.е. между июнем 638 и июнем 639 (Омар с 22 августа 634 г.), и был патриархом 6 лет, ни разу не видевши Антиохии; Георгий - посвящен в 3 г. Османа (1108С), т.е. 646 и умер чрез 5 лет; Макарий же посвящен в 10 году Османа (1108С) и правил 8 лет, т.е. 653-661 годы. Но хронология эта решительно не подтверждается фактами. Известно, что в 649 году папа Мартин в своих посланиях (Mansi X, 812A, 829D) упоминает, как о живом, о Макарии антиохийском; о нем, как об участнике суда над преп. Максимом в 662 году упоминает в своем «Изложении веры» патриарх Макарий (8 заседание Шестого вселенского собора, Mansi XI, 357С, ДВС VI, 94, 90; тут ошибочно вместо имени Македония стоит имя Макария). На имя самого Макария константинопольский патриарх Иоанн (669-674 гг.) писал свое общительное послание (XIII заседание VI вселенского собора, Mansi XI, 385С; ДВС, VI, 108). Хронология, таким образом, этих патриархов должна быть исправлена. Солье (р. 109), принимая во внимание только письма папы Мартина, удлинял правление Македония до 649 года (638-649 гг.), а Георгию давал 650-653, и Макарию - 653-680, считая годы последнего не 8, а 28 лет. Но хронология эта явно неудовлетворительна. Приблизительно точно восстановить ее можно, пользуясь списком М.Брека, изданным Е.Порфирием. По этому списку, по убиении Анастасия III, что было в 610 году (Chronicon Pasch. 699₁₇) - настало вдовство в 22 года (Е.Порфирий, стр. 52), после чего, очевидно, в 632 году, посвящен был Григорий (у Брека - калкулярная дата – 629 год по его причудливой эре); при нем арабы завоевали Сирию (634-636). Он правил 24 года или 10 лет. Ни тот, ни другой вариант по сравнению с последующими датами не подходит. Предпочитаем исправить чтение на 14; получим 632-646 годы для Григория. Следующие годы по крайней мере до половины 662 года надо отдать Македонию, т.е. 16 лет вместо 6 по Бреку (стр. 52). Следующие 5 лет (Ib.) правил Георгий: 662-667. После него с 667 по 681 патриархом был Макарий, не 8 лет, как у Брека, а 14. Указанные выше факты и даты вполне укладываются в рамки этой хронологии. Все эти патриархи жили в Константинополе, в монастыре Богородицы Тридoron (у Брека, стр. 53), может быть, тождественном с хрисопольским монастырем, этой, по-видимому, штаб-квартирой Макария и других монофелитов (XI заседание VI вселенского собора, Mansi XI, 512В; ДВС VI-2, 171; XV заседание VI вселенского собора, Mansi XI, 609В-С; ДВС VI-2, 216).

⁴² О словах патриарха Макария к Луке см. в XI заседании VI вселенского собора, Mansi XI, 513А-В; ДВС VI, 165.

могли, так что совратили и ипарха тамошнего по имени Георгия»⁴³. Дальнейший рассказ – о странствованиях преп. Максима по оставлении Африки - основывается может быть всецело на другом источнике: сообщениях некоего кубикулярия.

Лука является, несомненно, очевидцем. Но сведения а) отличаются партийностью: он ничего не знает о диспуте с Пирром и упоминает лишь о своих победах; б) они довольно позднего происхождения: Лука писал тогда, когда о восстании Григория можно было трактовать как о свершившемся факте, т.е. после 647 года, а судя по его переписке с Макарием, патриархом антиохийским (667-681), может быть, даже и не раньше 667 года, значит уже после смерти преп. Максима. Впрочем, свои доносы в Константинополь он мог послать и раньше, например, около 646 года. Мы не можем сказать, насколько достоверны его сообщения о монастыре Sacerdos. Конечно, среди беженцев из Сирии могли быть и несториане. Но возможно, что Лука, подобно монофизитам, так называл и православных, и ради опорочения причислил их к школе нисивинской. В общем свидетельство Луки годится все же для исторического пользования.

Четвертая часть «Истории» - заключительная. Она описывает последние годы деятельности преп. Максима по оставлении Африки (645-662). Здесь говорится, что после того, как преп. Максим и его спутники совратили всю Африку и ипатия Георгия, «они затем отправились оттуда и прибыли в Сицилию, так как их заставил бежать страх арабов. Ибо за их злые деяния постиг гнев Божий всю страну африканскую. И обошедши все острова моря, потом они прибыли и в Рим. И путем обольщения с их стороны уловлен был и тамошний патриарх Мартин. И он принял все учение Максима, так что созвал собор из 190 епископов⁴⁴ и разослал его учение. И он анафематствовал патриархов константинопольских за то, что они не хотели с ним согласиться. Вследствие этого разгневался Костос и послал привести его в столицу и убеждал, чтобы он отказался от злого своего учения. Когда же он не послушался, отправил его в ссылку в Лазику⁴⁵ во дни святого Пирра, патриарха этого города и Македония антиохийского, и там он умер злою смертью. Ибо он не по указу Костоса стал патриархом, но чрез подложные писания, которое он составил обманно⁴⁶. И благодаря хитрости одного умного человека, который был патрикием, по имени Феодора⁴⁷, он пришел в

---

⁴³ О префекте Георгии преп. Максим упоминает в своих письмах, написанных в 634 г. (Ер. 1, 364А, Ер. 18, 584D) и 641 г. (Ер. 12, 460В: ἑπαρχος).

⁴⁴ На Латеранском соборе 649 года было 105 епископов (по Михаилу Сирийцу, II, р. 431 - 109 епископов).

⁴⁵ Папа Мартин был отправлен в ссылку в Херсонес. Лазики была место последней ссылки преп. Максима.

⁴⁶ PL 129, 589С; Mansi X, ..

⁴⁷ Экзарх Феодор Каллиопа: Libellus Pontificalis, PL 128, 338₁₅. - Папа приведен был в столицу насильно.

Константинополь. И это Армаг⁴⁸, кубикулярий, второй после Феодора, брата Ираклия царя⁴⁹, рассказывал мне, когда пришел помолиться во святом граде Иерусалиме, в то время как был мир между Моавией, эмиром арабов⁵⁰, и императором Костосом, а также он рассказал и все другое, что я намерен написать о Максиме и Анастасии и монахах, которые бежали из Африки от арабов и пришли в Рим к вышеназванному Мартину, так как у меня было великое старание написать эту историю согласно с истиною.

«После того как Максим прибыл в Рим, арабы завладели островами моря и пришли на Кипр⁵¹ и на Арвад (=Арад финик.)⁵² и опустошили их и пленили их. Завладели они и Африкою⁵³ и покорили все вообще острова моря⁵⁴, после того, как нечестивый Максим навел гнев Божий на все места, принявшие его учение.

«Ученики же, бывшие в монастыре Sacerdos (?), о котором мы сказали выше, бежали пред лицом арабов и пришли в Рим. Их принял Мартин, как единовѣрных себе, и дал им один монастырь, называемый на ромейском языке Qelonobos, что в переводе значит: «девять келий» (Cellae novem)⁵⁵. И держались своего заблуждения, обольщая всех, кого могли. И когда Максим увидел, что Рим пришел в зловонную грязь его хулений, он отравился также и в Константинополь, в то время, когда заключил Моавия мир с императором Костосом, ударив войной на Абу-Тораба (Али), эмира Хитры, в Цефине⁵⁶ и победил его, а император Костос находился в Адарвигане⁵⁷. Итак, в это

---

⁴⁸ Ермоген? А может быть Андрей евнух, который впоследствии в 668 году (Theophanes I, 349₅) вел переговоры с Моавией?

⁴⁹ Феодор был куролопатом (Nicephori Breviarium, 7₂). Но вряд ли он пережил Ираклия. Его сын Григорий умер в 653 году в качестве заложника у Моавии в Илиополе (Theophanes I, 345), а Феодор (Nicephori Breviarium, 25₁₈) сослан в 637 году за причастность к заговору.

⁵⁰ Судя по дальнейшему рассказу встреча имела место после 662 года.

⁵¹ в 649 году: Theophanes I, 343₃₀₋₃₄₄₁₀; Michel le Syrien II, 441-442 (960 г).

⁵² в 650 году: Theophanes I, 344₁₂₋₁₅; Michel le Syrien II, 441-442.

⁵³ В 647 году: Theophanes I, 343₂₅, Michel le Syrien II, 440 (958г). Илия Нививин. под 27 годом хиджры.

⁵⁴ В 654 году – Родос: Theophanes I, 345₈₋₁₀; Michel le Syrien II, 442; В 655 году – Кос и Крит: Michel le Syrien II, 442.

⁵⁵ На XVIII заседании VI вселенского собора прибыли представители из римского монастыря «Новые (Novem) келлии»: Mansi XI, 629C; ДВС VI, 227).

⁵⁶ Сражение у Сиффина на берегу Ефрата имело место в 37 году хиджры (начинался с 10 июня 657 г.): Илия Нисив. Раздоры в халифате начались по убиении Османа 17 июня 656 года (по Илии - 35 года хиджры). Предварительный мир Моавия, вероятно, заключил еще в 657 году (Theophanes I, an. 6150, 347₁₆₋₁₈), чтобы получить свободу действий в борьбе с Али, но окончательно скрепил его уже по смерти Али (21 января 661 г.; по Илии - в 40 году хиджры) и по признании себя в июле 661 года (Cron. Maronit., Scr. Syri, Chr. minora, IV, 2, p. 55-56: 972 г.) единодержавным повелителем арабов, а именно в 42 году хиджры (по Илии; 42 год хиджры начинается с 26 апреля 662 г.), т.е. 662 г.

⁵⁷ Очевидно, разумеется не первый поход Константа (651 г.) в Армению, имевший место во время перемирия с арабами в 51-53 (Theophanes I, an. 6142, 6144, 344₂₁₋₂₄, 345₁₋₂; Себеос, История Ираклия, гл. 33, стр. 131-132, гл. 35, стр. 153), а второй поход, когда он снова

время пришел Максим в Константинополь, надеясь развратить и его своим заблуждением напоследок⁵⁸. И тотчас, (как) пришел, поселился Максим в одном монастыре женском, называемом Плакидинным⁵⁹, находившимся в городе. И посредством неистовства (своего) он успел совратить (инокинь) от истины, (научив) их вере (своей) нечестивой ... евхаристии...»

О конце «Истории» можно судить по Михаилу Сирийцу, сохранившему заключение ее в своеобразном варианте⁶⁰: Максим пришел в Константинополь. (Когда Конст услышал об его учении, то созвал собор. Состоялся диспут с Максимом Константина Пергийского⁶¹, который доказал, что Максим мыслит одинаково с Несторием и Феодором (Мопсуэст.). Император увещевал его, но, как он не слушался, то приказал заключить его)⁶² в женский монастырь, чтобы покрыть его стыдом. Но этот нечестивый ввел монахинь в заблуждение, так что они не хотели принимать причастия, которое освятил Аксус, их настоятель. Он говорил: «Св. Дух не нисходит на это приношение, ни на приношение патриарха Павла»⁶³. Эти женщины повергли приношение на землю и стоптали ногами, как научил их Максим. Когда об этом узнали, император приказал привести их в город и сжечь, а Максиму отсечь язык. Но он не успокоился и стал писать письма. Когда узнали это, император приказал отсечь ему правую руку. Он стал писать левой. Тогда отсекли и левую и отправили в изгнание⁶⁴. Он не был произведен ни в один церковный чин».

Повествование Георгия базирующееся на рассказе кубикулярия относится ко времени после 662 года и отражает в монофелитской передаче совокупность

присоединил Армению к Византии (ср. Себеос, гл 38, стр 168; о путешествии императора не упоминается). Дело было, очевидно, не позже 663 г., когда император был уже на Западе (5 июля 663 года в Риме: *Libellus Pontificalis*, 3437; пребывание его на Западе датируется вообще VI индиктом).

⁵⁸ Возможно, что здесь уже в оригинале с которого делается настоящая копия, был пробел, который и заполнен по догадке переписчиком. Михаил Сириец располагал полным текстом пробелов.

⁵⁹ Это был дворец Плакидий (*Chronicon Pasch.* 563. Он был местом пребывания папских апокрисиариев (см. речь папы Мартина на Латеранском соборе, *Mansi X*, 880B).

⁶⁰ *Michel le Syrien II*, 436-437 (редакция, по-видимому, Дионисия Тель-мах.)

⁶¹ Не тот ли Константин пресвитер, который раньше выступал обвинителем на суде над преп. Максимом в 655 году (*Relatio XII*, 125C; р.п. Творения преп. Максима Исповедника, М., 1916, т. I, стр. 76)? Может быть, впоследствии он был на родине сотрудником «Апаргия, епископствовавшего в Пергии», упоминаемого в анафемах на VI вселенском соборе (XVI заседании VI вселенского собора, *Mansi XI*, 621A-B; ДВС VI, стр. 222, 213). Известен еще один пресвитер Константин, сириец, из Апамии, осужденный вселенским собором (*Mansi XI*, 620C; ДВС VI, стр. 221-222) 9 августа 681 г.; он отличен от вышеуказанного Константина, действовавшего, между прочим, и в Африке, и в Риме.

⁶² Заключенное в скобки представляет собою особенность редакции Михаила Сирийца (resp. его источника) по синаксарю с дошедшим тестом «Истории». Возможно, Михаил Сириец заполняет пробел дошедшей до нас редакции.

⁶³ Ср. слова преп. Максима в темнице константинопольским вельможам в 655 г. (*Relatio VI*, 120D; р.п. Творения преп. Максима Исповедника, М., 1916, т. I, стр. 68).

⁶⁴ Ниже у Михаила Сирийца указано место ссылки: Кавказ, Армения.

византийских сведений в то время бывших о деятельности преп. Максима. Оно распадается на две части: сообщение о пребывании преп. отца на Западе и деятельности Мартина и сведения о последнем суде над преп. Максимом в Константинополе в начале 662 или в конце 661 года⁶⁵. Последние сведения являются, как видим, особенно свежими.

Георгий кубикулярий не с полной точностью использован был Георгием, не избежал обычных для него дополнений и даже просто искажений. Одинаково и прибытие преп. Максима и папы Мартина Георгий представляет добровольным приездом ради пропаганды своего злостного учения, тогда как и тот и другой были приведены насильственно для наказания. Кое что Георгий и спутал, по-видимому, по запоминанию. Ссылку в Лазику он отнес на счет Мартина. Ошибочно увеличил он число отцов римского собора. Зная сочинения преп. отца, писанные на Сицилии и Кипре, он отнес к послеафриканскому периоду посещение островов Средиземного моря, тогда как в действительности из Африки преп. Максим отправился прямо в Рим и потом лишь случайно был на Сицилии. Все это у него стоит в связи с идеей наказания бедствиями арабского нашествия всех стран, посещенных преп. Максимом. Нужные географические термины и отмечаются у него, хотя и без соблюдения хронологической последовательности (Кипр – 649 г., Африка – 647 г., «другие острова»: Крит – 655 г.). Словом, и тут Георгий остался верен себе: тенденция подчиняет своему порядку факты, а не факты руководят его словами.

Те же черты, как мы предполагаем, характеризуют и часть, повествующую о суде над преп. отцом. Суд над преп. Максимом летом 655 года (*Relatio*), уговоры и новое изгнание осенью 656 года (*Tomus alter I-XXXII*), новые переговоры в Преполовение 658 года (*Ep. ad Anastasii*), все это стоит совершенно вне кругозора Георгия. Он знает только о прибытии преп. отца в столицу в 662 году (*Tomus alter XXXIII*) и говорит только о последнем и окончательном суде над ним, считая его как бы первым. Дата его - неопределенная и общая⁶⁶ - впрочем, приближается к истинной. Сообщение о диспуте само по себе вероятно. Правда, может показаться странным рассказ о кощунстве монахинь. Однако подобного рода факты вообще известны⁶⁷. Может быть и в данном случае монахинями было допущено страшное кощунство. Патриарх Макарий, по крайней мере, обвинял преп. Максима, что он «учил манихействовать и отвергать тело Христа Бога нашего»⁶⁸. Странно тут упоминание имени Павла (ум. 654 г.); оно является вопиющим анахронизмом: Павел умер еще до первого суда над преп. Максимом. Но

---

⁶⁵ После суда и казни преп. Максим прожил еще 2 месяца в ссылке (8 июня - 13 августа V индикта, 662 года: *Ep. Anastasii apocrisiarii*, PG 90, 173B, 174B; р.п. Творения преп. Максима Исповедника, М., 1916, т. I, стр. 162, 167), где он и скончался.

⁶⁶ Указывается на пребывание императора в Адарвигане и в то же время предполагается его присутствие в Константинополе. И вообще говорится о событиях, имевших место на протяжении нескольких лет (657-662 гг.).

⁶⁷ Луг духовный, гл. 30.

⁶⁸ *Mansi XI*, 357B; *ДВС VI*, 94, 89.

ошибки в таком или ином виде всегда возможны. Трудно сказать, перепутал ли Георгий свои данные и привлек ли он к данной эпохе те обвинения, относящиеся к ранним судебным процессам или же он просто спутал имена патриархов, которые сообщил ему кубикулярий. Вероятнее последнее. Во всяком случае пребывание преп. Максима в монастыре определенно относится к 662 году и ко времени после Пирра⁶⁹ (ум. 654). Сообщение о наказании преп. Максима явно разукрашено досужей фантазией Георгия и искажено расчленением и тенденциозными объяснениями. На это отчасти указывает самое повторение предложения «когда узнали», встречающееся в рассматриваемой половине рассказа три раза. В действительности положение было не такое. Дошедший до нас судебный декрет зараз предписывает отсечение языка и правой руки, и по выставлении на позор - ссылку⁷⁰, и он был исполнен без всяких искусственных градаций; каждый вид казни не вызывался какими-либо особыми поводами. Рассказ Георгия, таким образом, не обошелся без прикрас. Все его повествование, поэтому, хотя и может в своей основе считаться достоверным, но в освещении и деталях должно подлежать самой строгой критике.

Общее впечатление от труда Георгия не в его пользу. Его «История» представляет собой довольно неуклюжее сцепление сказаний, и документ, без прочной хронологической канвы, автор часто не обладает надлежащей осведомленностью, но зато обнаруживает тенденцию заполнить все щели повествования догадками сомнительной значимости или разукрасить общую картину домыслами вольной фантазии. Его работа - это причудливая и грубая мозаика, пропитанная впрочем единой узкопартийной окраской, однобокой монофелитской тенденцией, еще более затемняющей истину, чем сбивчивость и неясность использованной традиции и путаница в отдельных ее частностях. Тем не менее это - документ очень ранний. По-видимому, он написан вскоре по получении данных от кубикулярия, хотя не раньше 667 года, точнее - не раньше ознакомления Георгия с перепиской между патриархом антиохийским Макарием и африканским затворником Лукой. Сам патриарх Макарий, отчасти, как видим, и вдохновивший Георгия, в своем «Исповедании веры» всецело проводит точку зрения «Истории» на преп. Максима и как бы сокращенно повторяет у себя эту «Историю». Он говорит об осуждении ереси максимиан Гонорием, Сергием и Киром, с одной стороны, и царем Ираклием с другой; говорит также о соборе против преп. Максима при Константе и его осуждении, называет Феодора Мопсуэстийского «учителем Максимовой ереси и разделения» и утверждает, что преп. Максим учил манихействовать и отвергал тело Христово. Сходство это, конечно, не говорит за то, что все сведения Макария взяты из «Истории»: Макарий сам был, вероятно, очевидцем последнего суда над

---

⁶⁹ Может путаница легко допущена была и потому, что Пирр был патриархом до и после Павла.

⁷⁰ Tomus alter XXXIII, 172A; р.п. Творения преп. Максима Исповедника, М., 1916, т. I, стр. 147.

преп. Максимом, но все же это говорит за идейное родство и знакомство Макария с «Историей». Если так, то она написана до 681 года. Местом ее написания была Палестина и в кругах монофелитских, оторванных от православных. Это составляет минус для «Истории» при всех ее преимуществах, как документа раннего. Она не имела связи с живым непосредственным константинопольским преданием и лишена была возможности получать из него пополняющие и контролирующие данные. А потому и явилась в виде столь несовершенного полуполюгендарного фабриката. При всем том, нужно признать, что первое более или менее полное, хотя и несовершенное, жизнеописание преп. Максима появилось у нерасположенных к нему еретиков и много раньше, чем у православных. Зато православным доступны были документы, свидетельства очевидцев и современников, которые неизвестны были Георгию. Заметим, что Георгий, автор «Истории», вряд ли может быть тождественен с тем иноком, который состоял при Макарии⁷¹ на Шестом вселенском соборе, и принес собору свое покаяние, и, конечно, ни в коем случае с Георгием, апокрисиарием иерусалимского престола, поборником православия.

---

⁷¹ Mansi XI, 344D, 385E (Макрийский?), 449E; ДВС, VI-2, стр. 87, 109, 142; VI-3, стр. 83, 104.